

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ**

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

IAN McDONALD

CHAGA
RECORDING ANGEL

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

ЙЕН МАКДОНАЛЬД ЧАГА

Перевод с английского Романа Демидова

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Ian McDonald
CHAGA
Recording Angel

Печатается с разрешения автора
и его литературных агентов Zeno Agency
(Great Britain)
при содействии Alexander Korzhenevski Agency
(Russia)

Перевод с английского: *Роман Демидов*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Василия Половцева

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ISBN 978-5-17-153933-7

Chaga: Copyright © Ian McDonald 1995
Recording Angel: Copyright © Ian McDonald 1996
© Роман Демидов, перевод, 2026
© Василий Половцев, ил., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАГА

Предисловие

Хотя место действия, фон, а также многие персонажи и ситуации в этой книге те же, что и в моем рассказе 1990 года «На Килиманджаро», она не продолжает его напрямую, а скорее развивает и доводит до ума его идеи. Те, кто прочитал оба текста, могут заметить некоторое количество кажущихся несоответствий между ними; они намеренны; «На Килиманджаро» следует читать как рабочий прототип этой книги.

Спасибо СЕМ Computers, спасшей значительный кусок этой книги от кибернетической нирваны (всегда делайте бэкапы. *Всегда* делайте бэкапы). Также спасибо Трише за неоценимую помощь на ранних этапах работы и во всем остальном.

Звездный гобелен

Свет почти ушел. Пурпур позднего лета лежал на вересковых пустошах и соляных болотах Мыса¹. Холмы по ту сторону залива очерчивала облачная кайма. Мигали сигнальные огни на телемачте.

Псы ускакали в сгущающуюся темноту. Освобожденные души. Первобытные силы. Кролики разбежались по своим песчаным укрытиям среди корней утесника. Гораций был слишком стар и артритичен, чтобы убивать. Он бегал во имя радости бега: бегал, пока еще мог. Ветеринар диагностировал у него КМДР². Процесс был необратим. Миелиновые оболочки нижних спинномозговых нервов будут разрушаться, пока задние лапы не парализует. Он не сможет ходить. Он

¹ Имеется в виду мыс Баллимакормик, расположенный на южном берегу залива Белфаст-Лох (*здесь и далее примечания переводчика*).

² Это заболевание, судя по всему, вымышлено Макдональдом; использованная им аббревиатура (в оригинале — CMDR) в медицине обычно означает аутосомно-рецессивную краниометафизарную дисплазию, порок развития костей черепа и конечностей у человека.

будет мочиться под себя. Он будет испражняться под себя. А дальше — билет в один конец до стола с резиновым покрытием. Девушка надеялась, что ей не придется при этом присутствовать.

А пока — пусть бегают. Пусть охотятся. Пусть ловят, кого смогут, если смогут.

— Вперед, Гораций! Вперед, Пэдди! — прокричала Габи Мак-Аслан. Псы разлетелись от нее, точно две молнии, большая — белая с коричневым, маленькая — черная. Учув запах, они нырнули в густые заросли утесника, завозились в сухих и коричневых шелестящих скелетах прошлогодней поросли.

Холмы Антрима черно вздымались на фоне индигового неба: Нокег с его кенотафом¹, Карнмани, Кейв-Хилл, чей профиль, говорят, схож с наполеоновским, хотя Габи так и не смогла этого разглядеть; Дивис; Черная гора. Белфаст был полусферой янтарного свечения у изголовья залива — грязной, фототоксичной. Под черными холмами льнула к береговой линии цепочка желтых и белых огней. Форт-Уильям. Гринайленд. Каррикфергус с его великим нормандским замком. Килрут, Уайтхэд, и в самом конце — пульсация и вспышки маяка, за которым — открытое море. Ему отвечали его собратья на Маячном острове и в Донахади. Бывает мгновение, единственное мгновение,

¹ Имеется в виду Нокегский монумент, изначально построенный в память о жителях графства Антрим, погибших в Первой мировой войне, а после окончания Второй мировой посвященный жертвам обеих войн.

рассказывал ее отец, когда все лучи вспыхивают одновременно. Она следила за огнями всю свою жизнь, и до сих пор ни разу не видела этого момента синхронности.

Небо сегодня казалось бескрайним и высоким, его пронзили первые звезды. Летний треугольник: Альтаир, Денеб, Вега. Заходящий Арктур, путеводная звезда древних арабских мореплавателей. Звезда Синдбада. Северная Корона, венец лета. Одна из ее теплых драгоценностей была скоплением из четырехсот галактик. Их свет странствовал миллиарды лет, чтобы упасть на Габи Мак-Аслан. Они удалялись от ее кожи со скоростью пятьдесят тысяч миль в секунду.

Знание их имен и природы ничуть их не умаляло. Они были звездами, далекими, подчиненными законам и процессам, более грандиозным, чем человеческая жизнь. При их величественном и древнем свете можно было разглядеть собственную суть. Ты — не венец творения под оберегающим покровом неба. Ты — яростный, яркий атом самосознания, окруженный огнем.

Псы вырвались из зарослей — пыхтящие, улыбающиеся, с пустыми челюстями. Она подозвала их свистом. Тропа поворачивала вместе с разрушенной сухой каменной стеной, огибая болотистый участок. Желтый аир и растрепанный рогоз. На земле — ромбовидный рисунок шин горных велосипедов, а вдобавок еще и массивных колес внедорожных мотоциклов. Ее отец был бы недоволен. Люди должны наслаждаться Мысом, идя пешком или крутя педали: вот дух, кото-

рый он пытался взрастить в этом месте. Гомон мотоциклетных моторов, визг зубчатых передач заглушали этот дух.

Марки так и не уяснил, что в этом месте такого. Он не мог понять, как пахнет день или каково это — ощущать себя крошечной, но сияющей под пугающе далекими звездами. Он оставлял на лице мира следы мотоциклетных или автомобильных шин, а не велосипедных колес или босых ног.

Она взобралась на низкие, поросшие лишайником валуны и встала на краю земли. Псы плескались и резвились в галечной бухточке, притворяясь, что плавают. Пэдди, маленький и черный, бегал кругами со стеблем ламинарии в зубах, приглашая Габи поиграть. Потом. Она вдохнула воздух. Морская соль, разлагающиеся на берегу мертвые создания, сладкие ароматы утесника и болотных ирисов, запах земли, впитавшей жар и свет дня и медленно выдыхающей в сумерках.

Спустившись к морской кромке, она сложила каменный круг и развела в нем костерок. На Мысе это считалось смертным грехом, но дочери зрителя простительны некоторые вольности. Она села на камень и стала кормить огонь плавником. Выбеленные ветки, доски от старых рыбацких лодок, просмоленные и утыканые гвоздями, обломки паллет и старые пробковые поплавки. Древесина трещала и шелкала. Снопы искр взмывали в ароматную ночь.

— Нет, Марки, не сегодня,— сказала она ему по телефону. Видеокompрессионный чип утировал его

мимику. Это всегда напоминало Габи об актерах немого кино. Тяжелый, тяжелый грим; большие, большие чувства. Любовь. Ненависть. Страх. Отверженность. Эмоции Марки совпадали с его видефонной мимикой; в этом-то и была проблема.— Мне нужно подумать. Мне нужно немножко времени для себя; только для себя. Ни для кого больше. Мне нужно отстраниться от всего, и, может быть, тогда я смогу оглянуться и увидеть, чего хочу. Понимаешь?

Она знала, что он понимает только одно: если она отказывает ему воскресным вечером, значит, она отказывает ему навсегда. С его точки зрения, она уже садилась в самолет.

Псы подошли к ней. Со сталактитов шерсти на их животах капала вода. Они тяжело дышали. Они хотели, чтобы Габи нашла им занятие.

— Простите, мальчики. Еще минутку, ладно? Идите и убейте кого-нибудь сами.

Над самым морем носились черные чистики, звали друг друга высокими капризными голосами.

Ей не дали поспать в день, когда пришли результаты. Сначала отец, вернувшийся с рассветного осмотра своего маленького королевства, принес чай, которому она позволила остыть. Потом заявили псы: холодные носы под теплым одеялом, тяжелые лапы на ребрах. Потом — кошки, подравшиеся за место между ее грудей. И наконец — Реб, тянувшая за угол одеяла, кричавшая *вставай-вставай, ты должна пойти посмотреть*.

Старая школа выглядит странно, когда ты в ней больше не учишься. Классы и коридоры неожиданно оказываются меньше, чем тебе помнилось. Встречные учителя едва заметно изменились: уже не представители власти, но собраты-выжившие. Ей не хотелось вскрывать тонкий коричневый конверт на глазах у друзей. Она развернула листок в уединении раздолбанного отцовского «сааба». Оценки были высокими. Более чем достаточными для поступления на сетевую журналистику. В чем-то это, возможно, было даже хуже, чем если бы они оказались низкими, ведь теперь ей придется решать: лететь в Лондон или оставаться.

Ребекка обняла ее, Ханна пожала плечами. Отец открыл бутылку настоящего шампанского, купленного из-за веры в нее. Его давняя партнерша Соня, которая была слишком мудра, чтобы переезжать в дом, настолько переполненный женщинами, пришла на праздничный ужин. И Марки тоже. Все были уверены, что она отправится в Англию, кроме Марки и нее самой.

От ее костерка остались только красные угли, припорошенные белой золой.

Марки. У него была работа в банке. У него был «форд». У него были деньги, в то время как все остальные сидели на мели. У него была хорошая дорогая одежда, у него была едва-вышедшая-из-моды музыка и техника, слишком впечатляющая, чтобы такое на ней слушать. Зимой он играл в хоккей, летом занимался виндсерфингом. И в то, и в другое время года

он ожидал, что его девушки будут стоять поодаль и восхищаться им. Однажды у него будут красивый дом, красивая жена и красивые дети, и жизнь, такая же мертвая мертвая мертвая, как тот пустой крабий панцирь, что лежит вверх клешнями на галечном пляже.

Габи бросила мертвого краба в огонь. Его хитиновый панцирь заскрипел и зашипел, ножки скорчились и увяли от пламени.

Марки воображал, будто то, что он три раза в неделю возится с ее лифчиком, а потом выбрасывает презерватив в окно машины, удержит ее от Лондона и сетевой журналистики. Он был дураком. Если она здесь и останется, то не ради какого угодно парня. Он стал для нее оправданием. А дело было в этом месте, в этом Мысе, который она знала всю свою жизнь, во все сезоны и при любой погоде. В толстых стенах стоявшего на возвышенности Дома смотрителя, надзиравшего за землей и морем, и жизнями, проходившими в этих стенах. В золотом свете редких осенних дней; в серебряной изморози на мертвых бурых папоротниках январским утром; в дрожи маленькой полоски земли под штормовыми волнами, когда ветер словно толкает дом гигантской парой рук и забирается внутрь сквозь щели и отдушины, вздымая ковер тяжелым зеленым морем. В маленьких пляжах на обращенных к морю берегах маленьких прибрежных островков, знакомых только тем, кто переплывал мелкие приливные лагуны. В ощущении укорененности на земле. В страхе, что силой ее наделяет физическое присутствие места,

дома, людей, и, отделившись от них, она делается блеклой и прозрачной. Нечеловеком.

— Есть два, и только два, наивысших страха,— сказал ей отец одной грозовой сентябрьской ночью, когда ветер ломился в окно.— Уничтожение одиночеством и уничтожение толпой. Мы теряем себя, если остаемся одни, и некому отразить нас и сказать нам, что мы существуем, что мы чего-то стоим; и мы теряем себя, находясь в массе других: анонимных, корпоративных, утонувших в болтовне.

Габи была достаточно взрослой, чтобы понять: ее страх — страх уничтожения толпой. В одиночестве, здесь, среди стихий, она существовала. Уйти — значит влиться в массу. Такова была природа ее дилеммы.

— Дай мне знак,— сказала она. Гудели насекомые. Она отгоняла их от своего лица и длинных, прямых волос цвета красного дерева. Так много звезд. Привыкший к темноте взгляд в чистую ночь может различить до четырех тысяч. Небо пересекало созвездие: самолет, следовавший береговой линией к аэропорту Белфаст-сити.

Это был не знак.

Вдоль противоположного берега залива проплывала гроздь огней. Ночной паром с сияющими палубами.

Это тоже был не знак.

Сатурн с его лунами все еще оставался за горизонтом, за холмами Шотландии. В этом был весь Марки. Где-то там существовали тайны, которые вдохновили бы любого человека с исправным восприятием